

Сергей
МИХАЛКОВ

ЗОВ ПОЛЯРНЫХ ШИРОТ

ИОМНЮ, когда в шестидесятых годах одна за другой выходили юмористические повести Владимира Санина, я написал об одной из них (речь шла об «Острове Веспелых Робинзонов»), что почерк юмориста стал уверенней и, главное, окончательно определилось писательское лицо.

Но сложившимся юмористом вдруг овладела «охота к перемене мест», и дороги для своих странствий он стал выбирать такие, на которых не так-то просто подобрать и крупную юмору: стрелка его компаса стала упорно указывать на север. И вот уже более десяти лет Владимир Санин путешествует по полярным широтам: дрейфует на станциях Северный полюс, летает над гигантской акваторией Северного Ледовитого океана, становится участником антарктической экспедиции и живет на станции Восток — полюсе холода нашей планеты, чтобы собрать материал и написать о полярниках, людях, которые приняли его и которых он-полнолю.

Как говорится, неожиданный поворот темы: от чистого «джеромовского» юмора первых повестей — к суровой прозе «Семидесяти двух градусов ниже нуля», гимну мужества механиков-водителей, железных людей, совершивших беспримерный в истории освоения Антарктиды санно-гусеничный поход. Повесть эта имела заслуженный успех, о ней много писалось, и было совершенно естественным предположить, что В. Санин продолжит героико-романтическую линию в своем творчестве.

Так оно и получилось.

Повестью «За тех, кто в дрейфе!» писатель завершил свою полярную трилогию, которая в течение нескольких лет публиковалась

Владимир Санин. «В ловушке», «Знамя», № 9, 1976. «Трудно отпускает Антарктида», № 5, 1977. «За тех, кто в дрейфе!», № 4, 1978.

вавшись журналом «Знамя». Все три повести, связанные общими действующими лицами, построены по одному принципу: Владимир Санин создает исключительно сложные, драматические ситуации и следит за тем, как люди находят единственные выходы из положения — следит не как сторонний наблюдатель, а с любовью и гордостью за своих героев. Именно так: с любовью и гордостью. Писатель как бы говорит читателю: смотри, какими бывают люди, ведь гибнут, ничто на свете, кажется, их не может спасти, кроме воли к жизни, огромного мужества и высокой, одухотворяющей их идеи. И читатель верит: таких людей надо любить и можно ими гордиться, потому что заквашены они на редкость здорово и ни при каких обстоятельствах не склонят головы. И еще потому, что их принцип — «спасай товарища, если даже при этом ты можешь погибнуть. Помни, жизнь его всегда дороже твоей!».

Действие первой повести трилогии — «В ловушке» — разворачивается на станции Восток, на вершине ледяного купола Антарктиды. Пять человек, обесиленных, обороченных, лишенных всякой связи с другими станциями, отчаянно борются за восстановление дизелей, без которых на Востоке жить нельзя. Острое кислородное голодание, кровь из всех пор, обмороки — и негнбимое мужество, побуждающее работать даже тогда, когда последние силы давно исчерпаны. Как Иван Гаврилов в «Семидесяти двух градусах ниже нуля», Сергей Семенов, начальник станции, зажигает людей своей железной волей, вселяет в них, полумертвых от усталости, веру, надежду, любовь — веру в себя, надежду на успех, любовь к жизни. Падают без сознания один, поднимается другой, третий — нет, такие люди просто так не сдадутся, их, как хемингуэвского Старика, можно повалить, можно убить, но победить нельзя!

Потом эти пять человек — суроватый на вид, сдержанный Семенов, поразительно цельный в своей преданности долгу и чистоте Гаранин, богатырь и вельсачак, неуготимый оптимист Бармин, безрассудно-взрывчатый правдоискатель Филатов и скрытый, раскрывающийся лишь в самом конце трилогии Дугин — пойдут из повести в повесть, обнаруживая в сложнейших ситуациях все новые грани своих характеров.

«Трудно отпускает Антарктида», вторая часть трилогии, также построена на драматической коллизии: дизель-электроход «Обь» не может пробиться к берегу и увезти на Родину группу отжимавших полярников во главе с Семеновым. Появляется единственная возможность — можно эвакуироваться по воздуху, но большинством голосов полярники от нее отказываются: слишком опасно экипажу самолета пробиваться к ним в одиночку, случись вынужденная посадка — и летчики неминуемо погибнут.

Одиннадцать полярников остаются на вторую зимовку. Происходят острые столкновения, временами кажется, что коллектива уже нет — есть «одиннадцать рассерженных мужчин», каждый из которых по-своему прав, но Семенов и в этой чрезвычайной психологически накаленной ситуации спасает коллектив. Эта сцена, где рассказчиком выступает сам Семенов, — одна из сильнейших в повести.

«— Немногого, Груздев, стоит человек, рассчитанный на одну хорошую зимовку.

— Я не доска, а вы не рубанок, Сергей Николаич. По живому телу режете.

Я видел, что Груздев с трудом сдерживается. Этот разговор был необычайно важен. Мне казалось, что от него зависит все, буквально все, а раз так его необходимо довести до логического конца. Я перестал видеть Груздева — передо мной была трещина, в которую могла провалиться станция.

— Вы затребовали объяснений, — начал я, — терпите, обезболить не умею. Все мы, Груздев, сделаны из одного теста, только закуска у каждого своя. В ней, закуска, суть дела; Гаврилов и его ребята оголодали и померзли до черноты, но довели тягачи от Востока до Мирного. Закуска! Сколько раз советские полярники, наши с вами товарищи, перебирались с одной расколотой льдины на другую, но продолжали дрейфовать — закуска!.. Вы достойно вели себя в авралах, мы гордились вашей стойкостью, когда вы с дикой болью от жестоних ожогов ни на час не прерывали работу. Это было. И знаете, почему вы сникли?

— И снова мертвая тишина. Мне казалось, я даже слышу, как вдалеке бьются о барьер волны.

— Потому что вам не хватило закуски. Что было за год, израсходовали. И все. Вы свою дистанцию пробежали, уже вскинули руки, ожидая аллодисментов, а вам вдруг — бегите снова...»

Повесть написана динамично: чуть не в каждой главе — переход от надежды к отчаянию, от отчаяния к надежде, одна ситуация стремительно сменяет другую. И даже тогда, когда «Обь», так и не сумев пробиться к берегу, находит айсберг и с этого ледового аэродрома за полярниками вылетают две «Аннушки», даже тогда Антарктида не собирается так просто отпустить своих пленников: одна из «Аннушек» оказывается в аварийном состоянии. И возникает драматичнейшая сцена не только повести, но и, пожалуй, всей трилогии: кому на каком самолете лететь?

Полярная судьба той и дело испытывает персонажей трилогии на прочность, «прокатывает на всех режимах». Это чрезвычайно важно для писателя, ибо его концепция такова: настоящий полярник должен пройти жестокое сито естественного отбора, выжить в полярных широтах может лишь тот, кто десять раз там погибал. И не случайно несколько раз в трилогии встречается: «Товарища по зимовке выбирай — как жену выбираешь. Жизнь твоя от него зависит».

Впрочем, об этике полярников, об их суровой справедливости Владимир Санин размышляет на протяжении всего повествования. Есть у них свои обычаи, «неписанные и никем не утвержденные». В высоких широтах больше инструкций и приказов людьми нравит Полярный Закон. Много в нем есть параграфов, кровью написанных и сердцем утвержденных, и главный из них: «Не оставляй человека в беде».

И возникает огромное уважение к этим людям нелегкой судьбы, суровым и честным, мужественным и вдруг лиричным, каждый день рискующим жизнью и безмерно любящим ее, годами зимующим вдали от Родины, но думающим о ней каждую минуту своего бытия...

Заключительная повесть трилогии, посвященная первопроходцу-папанинцу академику Е. К. Федорову, переносит действие на дрейфующую станцию Северный полюс. Хрупкая ледяная корка, под которой скрываются три с половиной километра океана... Как и их славы предшественники — И. Д. Папанин, Е. К. Федоров, П. П. Ширшов и Э. Т. Кренкель, люди Семенова, несущие научную вахту на «макушке Земли», проходят через безмерные опасности дрейфа. В полярную ночь, когда помощи ждать неоткуда, лопаются льды, на станцию идет всепожароопасный вал торосов, впечатляющую картину которого рисует автор:

«Льдины громоздились одна на другую, вал рос на глазах. Еще недавно, когда люди бежали к палаткам, он был вы-

сотой два-три метра, а сейчас вперед двигалась ледяная гора. Она подминала под себя все новые льды, ползла и становилась все выше, и движение это сопровождалось таким грохотом, какой бывает при крушении поезда, когда вагоны лезут друг на друга, но с той разницей, что там грохот за минуту-другую стихает, а здесь он длился уже целый час. Порою нагромождение торосов застывало, как будто стихия изнемогла и осталась без сил, а она вовсе не изнемогла, а просто нащупывала слабое место. Где-то в стороне лопались и вставали на дыбы другие льдины, и вырастал новый вал, который шел навстречу старому и сталкивался с ним, и такое столкновение порождало совсем уж чудовищный грохот, и впечатление было, что ничто не может уцелеть на свете. И весь мир взрывается к черту. Один вал победил другой и будто зваливал его на спину, и бесформенная гора льда снова неотвратимо двигалась вперед. А день был солнечный и ясный, и ослепительный синий был в своих изломах лед, вознесенный на десятиметровую высоту, и двигалась гора, как живая, и такой грандиозностью и ужасом веяло от этой картины, что глаз не оторвать, магнитом притягивала, заворожывала, словно гипнозом...»

Но и в этих условиях Семенов и его товарищи, связанные с Большой землей лишь тонкой эфирной нитью, находят в себе силы до конца выполнять свой долг. Здесь, в заключительной части, окончательно проявляются характеры персонажей трилогии во всей их сложности и многогранности. Для понимания этого очень важен внутренний монолог Семенова в последней главе, когда главный герой всего повествования производит «переоценку ценностей» и осознает, что «четверть века полярки не всему его научили, и если разговор льдов и пурги он научился понимать с полуслова, то разгадать, понять человека может не всегда». Эта мучительная переоценка, вызванная как будто бы неожиданной трудностью Дугина, приводит к тому, что Семенов по-иному теперь смотрит на людей, которых раньше не очень доверял и которых не очень любил. И читатель, знавший, чего стоят эти люди — Филатов и Груздев, — рад за Семенова и его прозрение...

Трилогия завершена — и мне кажется, что она удалась. Владимир Санин создал произведение, полное романтики и приключений, горячей любви к смелым людям, обживающим полярные широты, и — с удовольствием подчеркиваю это — полное юмора, ибо его герои прибегают к шутке даже в самых тяжелых ситуациях, когда шутить может себе позволить только уверенный в своих силах человек. Трилогия Владимира Санина похорошему волнует, и остается лишь пожелать автору, верному своей полярной теме, новых произведений о нашем современнике.

М.М. Россия, 1978, 25 абт.